

СОНА СКОФИЛД

БРАК
БЕЗ ЛЮБВИ.
ЖЕНА ПО КОНТРАКТУ

Сона Скофилд

Брак без любви.

Жена по контракту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73548678

SelfPub; 2026

Аннотация

Он предложил ей брак вместо спасения.

Она согласилась, чтобы закрыть долг брата и не потерять семью.

Без любви. Без будущего. Только по контракту.

Алина вошла в дом Андрея Воронцова как жена на бумаге – холодная, чужая, временная. Она думала, что это просто сделка, где у каждого своя цена и свои правила. Но чем дольше длился этот брак без любви, тем опаснее становилось то, что нельзя было вписать ни в один договор: ревность, боль, правда и чувство, которое пришло слишком не вовремя.

Когда прошлое начинает мстить через семьи, старые тайны всплывают наружу, а рядом оказываются люди, готовые уничтожить их обоих, Алина понимает: страшнее фиктивного брака может быть только настоящий выбор.

Потому что иногда мужчина, которого ты должна ненавидеть, становится единственным, кому веришь.

А брак по расчету вдруг оказывается историей о любви, за которую придется заплатить слишком дорого.

Содержание

Глава 1. Сделка вместо любви	5
Глава 2. Подпись под чужой судьбой	16
Глава 3. Жена на бумаге	34
Глава 4. Его настоящая причина	49
Глава 5. Первая трещина в маске	65
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сона Скофилд

Брак без любви.

Жена по контракту

Глава 1. Сделка вместо любви

– У вас есть три дня, чтобы закрыть долг.

Мужчина в сером костюме сказал это тем самым голосом, от которого в комнате становилось тесно. Без угроз. Без крика. Спокойно, как будто речь шла не о чужой жизни, а о просроченном счете за электричество.

Я сидела напротив него и стискивала в пальцах стакан с водой так сильно, что на стекле остались влажные следы от ладони. Вода была теплая, неприятная, с металлическим привкусом. Я сделала глоток только для того, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Три дня, – повторил он. – Потом разговор будет уже не со мной.

На столе между нами лежала тонкая папка цвета мокрого асфальта. В ней были бумаги по долгу моего брата. Я знала каждую цифру почти наизусть, хотя еще месяц назад не могла представить, что вообще когда-нибудь стану жить среди таких цифр – холодных, безжалостных, чужих.

Сумма была такой, что обычный человек не заработал бы ее за несколько лет. А мой брат умудрился проиграть ее за полгода. Не в казино, нет. В бизнес. В тот самый «быстрый старт», «надежное партнерство», «последний шанс подняться», о которых мужчины говорят с блеском в глазах, когда очень хотят обмануть сначала себя, а потом всех вокруг.

– Я просила дать отсрочку, – сказала я, наконец подняв взгляд. – Хотя бы месяц.

– Вы просили, – кивнул мужчина. – Вам отказали. Он уже собирался встать, когда дверь кабинета открылась. Вошел человек, при появлении которого даже воздух изменился.

Я видела его раньше. На обложках деловых журналов. На фотографиях с благотворительных вечеров. В новостях, где о нем говорили с той осторожной завистью, с какой обычно говорят о людях, которые умеют выигрывать везде – в деньгах, в переговорах, в жизни.

Андрей Воронцов.

Высокий, безупречно собранный, в темном пальто, которое он небрежно снял на ходу и бросил на спинку кресла. Не красавец в глянцево-м смысле. Хуже. Из тех мужчин, у которых сила чувствуется не в лице, а в том, как они входят в комнату, как смотрят, как молчат. У таких не бывает лишних движений, лишних слов и, наверное, лишних чувств тоже.

Он мельком посмотрел на меня, потом на мужчину в сером.

– Оставьте нас.

Тот молча собрал бумаги и вышел.

Дверь закрылась.

И только тогда я поняла, что все это время дышала слишком часто.

– Вы знали, что я здесь? – спросила я, поднимаясь.

– Да.

– Значит, это вы велели вызвать меня именно сюда?

– Да.

Он говорил спокойно, даже слишком. Как будто между нами не было пропасти в целую жизнь.

Я знала его. Не лично. Но достаточно, чтобы не ждать ничего хорошего.

Когда-то мой отец работал на компанию, которую Воронцов потом купил по частям, как разбирают дом на стройматериалы. После той сделки отец продержался меньше года. Инфаркт случился не из-за Андрея Воронцова, конечно. Врачи любят правильные формулировки, я знаю. Но все началось именно тогда: бессонница, таблетки, молчание за ужином и этот потухший взгляд человека, который понял, что его вычеркнули из жизни раньше времени.

С тех пор фамилия Воронцов у меня внутри звучала как что-то холодное и чужое.

– Я не понимаю, зачем вы здесь, – сказала я. – Если хотите унижить меня лично, могли бы выбрать место попроще.

Уголок его рта едва заметно дернулся. Не улыбка. Намек

на нее.

– Вы всегда так разговариваете с теми, кто может вам помочь?

– А вы всегда называете помощью то, за что потом придется платить тройне?

Он сел в кресло напротив меня и открыл папку. Полистал бумаги, хотя прекрасно знал, что в них. Такие мужчины не входят в разговор неподготовленными.

– Ваш брат подписал обязательства, которые не может выполнить, – произнес он. – Через три дня дело уйдет дальше. Его имущество арестуют. Потом начнутся другие меры.

– Я читала бумаги.

– Тогда должны понимать серьезность положения.

– Я понимаю ее лучше вас.

Он перевел на меня взгляд. Прямой, тяжелый, лишенный сочувствия. Но не пустой.

– Нет, Алина. Не лучше.

Мне не понравилось, как прозвучало мое имя в его голосе. Слишком спокойно. Слишком уверенно. Будто он уже имел на это право.

– Не называйте меня по имени, – резко сказала я.

– Хорошо. Тогда перейду к делу.

Он закрыл папку и сцепил пальцы.

– Я могу закрыть долг вашего брата полностью.

У меня внутри все оборвалось так резко, что на секунду стало тихо. Даже шум улицы за окном будто исчез.

– Почему? – выдохнула я.

– Потому что мне это выгодно.

Вот. Конечно. Мир вернулся на место.

– И что вы хотите взамен?

Он не ответил сразу. Несколько секунд смотрел на меня так, будто оценивал не реакцию, а предел прочности.

– Вы станете моей женой.

Мне показалось, я ослышалась.

Я даже усмехнулась – коротко, неверяще.

– Простите?

– Вы выйдете за меня замуж. На год.

Комната качнулась. Совсем слегка, но этого хватило, чтобы я машинально коснулась спинки стула.

– Это какая-то дурная шутка?

– Нет.

– Вы... – Я запнулась, потому что слов было слишком много, и все грубые. – Вы в своем уме?

– Вполне.

– Вы предлагаете мне фиктивный брак в обмен на долг моего брата?

– Я предлагаю вам решение проблемы.

– Это не решение. Это сделка с человеком, которому нельзя доверять.

– Не доверяйте, – спокойно ответил он. – В контракте будут прописаны все условия.

Я смотрела на него и не понимала, что ненавижу сильнее

– саму эту идею или то, с какой невозмутимостью он ее озвучил. Как будто не ломал мне жизнь, а предлагал аренду квартиры.

– Почему я? – спросила я. – Вокруг вас полно женщин. Красивых, удобных, согласных на все без угроз и долгов.

– Мне не нужна удобная жена.

– Тогда какая нужна?

– Та, которой я могу верить в одном: она не перепутает чувства с расчетом.

Я замерла.

Это было сказано почти ровно, но я услышала в его голосе что-то темное. Очень старое. Очень личное.

– Вы ошиблись адресом, – тихо сказала я. – Я вообще не собираюсь становиться вашей женой.

– Собираетесь, если хотите спасти брата.

– А если я откажусь?

– Тогда через три дня включится механизм, который я уже не остановлю.

– Ложь. Вы и есть этот механизм.

Он не спорил.

И это бесило сильнее всего.

Я отвернулась к окну. Внизу текла обычная вечерняя Москва: огни, машины, чужие лица, чужие планы, чужая спешка. Где-то там сейчас, возможно, сидел мой брат и все еще надеялся, что я что-нибудь придумаю. Он всегда надеялся на меня. Даже когда не заслуживал.

Мама после второго инсульта почти не вставала. Ее лекарства, сиделка, обследования – все это тоже держалось на мне. На моей работе, на моих переработках, на моем упрямстве. Мы жили не богато, но держались. Пока Илья не решил стать большим человеком за чужие деньги.

Я закрыла глаза.

Если я откажусь, его сломают. Не сразу, не красиво, не в киношном смысле. Просто раздавят последовательно и до конца. А вместе с ним рухнет и все остальное, что я держала на себе.

Если соглашусь... Нет, об этом даже думать было мерзко.

– Почему на год? – спросила я, не оборачиваясь.

– Потому что меньше нельзя. Больше не нужно.

– Для чего вам вообще это? Для репутации? Для бизнеса?

Для наследства? Для мести?

– Последний вариант ближе.

Я резко повернулась.

– Что?

– Вы задали вопрос. Я ответил.

– Кому вы мстите?

– Не вам.

– Тогда кому?

– Это не имеет значения на данном этапе.

– Для меня имеет!

– Для вас имеет значение другое, – жестко сказал он. –

Сможете ли вы заплатить цену за спасение семьи.

Я шагнула к столу.

– Не смейте говорить мне о семье так, будто вы что-то понимаете.

Он тоже встал. Теперь между нами оставалось меньше метра. Слишком мало для спокойного разговора. От него пахло холодом улицы, дорогим парфюмом и чем-то еще – неуловимым, опасным, мужским до раздражения.

– Я понимаю достаточно, чтобы предлагать вам выход, – произнес он тихо. – И достаточно, чтобы не повторять предложение дважды.

– А если я соглашусь, что дальше? Буду жить в вашем доме? Играть счастливую жену? Улыбаться вашим партнерам? Стоять рядом на фотографиях?

– Да.

– Спать с вами?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Только если это будет отдельно оговорено.

Щеки вспыхнули так резко, будто он меня ударил.

Ненавижу. Ненавижу его спокойствие. Его точность. Его отсутствие стыда.

– Вы чудовище, – прошептала я.

– Возможно. Но сейчас чудовище – единственный человек, который может вам помочь.

Я хотела влепить ему пощечину.

Правда хотела.

Но вместо этого вцепилась пальцами в край стола, чтобы

не показать, как дрожат руки.

– Мне нужно подумать.

– До завтра.

– Вы говорили про три дня.

– Для остальных – три. Для вас – до завтра.

– Почему?

– Потому что я не люблю ждать.

Конечно. Такие мужчины не ждут. Они получают.

Я схватила сумку со стула.

– Я вас ненавижу.

– Это не мешает подписать контракт.

– Вы слишком самоуверенны.

– Нет. Просто хорошо знаю, как устроены безвыходные ситуации.

Я уже дошла до двери, когда услышала за спиной:

– Алина.

Я обернулась.

Он стоял у стола, высокий, спокойный, не человек – приговор в дорогом костюме.

– Ваш брат не узнает, на каких условиях закрыт его долг.

Если вы сами не захотите ему сказать.

На секунду мне стало нечем дышать.

Он знал, куда бить.

Не по мне. По стыду. По семье. По тому последнему, что еще оставалось моим.

– Ненавижу вас еще сильнее, – сказала я.

– Это уже похоже на честность.

Я вышла, хлопнув дверью так, что секретарь в приемной вздрогнула.

Лифт ехал слишком медленно. Слишком тихо. В зеркальной стенке кабины я увидела себя – бледную, злую, с лихорадочным блеском в глазах. Не женщина. Оголенный нерв.

На улице било в лицо мартовским ветром. Я не сразу накинула пальто. Просто стояла на ступенях, пока машины проносились мимо, а город делал вид, будто ничего не произошло.

Телефон зазвонил в сумке.

Илья.

Я смотрела на экран несколько секунд, прежде чем ответить.

– Да.

– Ну что? – Голос у брата был напряженный, но в нем уже пряталась надежда. – Ты поговорила? Есть шанс?

Я закрыла глаза.

Шанс.

Слово, за которым иногда скрывается пропасть.

– Есть, – сказала я.

– Алиночка... – он выдохнул с таким облегчением, будто уже все закончилось. – Я знал, что ты что-нибудь придумаешь. Я же говорил, ты у нас всегда...

– Замолчи.

На том конце повисла тишина.

– Что?

– Просто замолчи, Илья. Хотя бы раз в жизни не говори ничего.

Я сбросила вызов и сунула телефон обратно в сумку.

Потом медленно спустилась по ступеням и пошла вперед, не разбирая дороги. Под каблуками хрустел грязный снег, над головой темнело небо, а внутри было одно-единственное чувство – мерзкое, тяжелое, ясное.

Я уже знала, что соглашусь.

Еще не произнесла это вслух. Еще пыталась удержаться за остатки злости, гордости, достоинства. Но правда была проще и страшнее.

У меня не было выбора.

А значит, завтра я вернусь к Андрею Воронцову.

И подпишу сделку, после которой моя жизнь перестанет принадлежать мне.

Глава 2. Подпись под чужой судьбой

Я почти не спала.

Ночь не делилась на часы – она делилась на мысли, от которых невозможно было спрятаться. Я лежала с открытыми глазами, смотрела в темный потолок и пыталась представить, в какой именно момент моя жизнь свернула не туда. Когда отец умер? Когда мама слегла? Когда Илья впервые занял деньги, о которых потом «забыл» сказать? Или в тот день, когда я впервые услышала фамилию Воронцов и не поняла, что однажды она войдет в мою жизнь так глубоко, что вырвать ее уже не получится?

К утру у меня болела голова, будто всю ночь кто-то медленно стягивал виски железным обручем.

На кухне пахло овсянкой и лекарствами. Этот запах я ненавидела с тех пор, как мама стала жить по часам: в восемь – таблетки, в девять – давление, в двенадцать – укол, потом снова таблетки. В нашей квартире уже давно все измерялось не днями недели, а схемой лечения.

Мама сидела у окна в теплом халате, слишком хрупкая для этого серого утра. Когда-то она была женщиной, на которую обращивались. Высокая, живая, с красивой осанкой и смехом, который наполнял дом теплом. Теперь в ней будто

осталось только лицо – знакомое, любимое, но уже как выцветшая фотография той, прежней.

– Ты рано встала, – тихо сказала она.

– Не спалось.

Я поставила перед ней чашку с чаем и опустилась напротив. Хотелось уткнуться лбом в холодную столешницу и не поднимать голову хотя бы час. Но нельзя. У меня давно не было роскоши быть слабой.

– Ты бледная, – заметила мама.

– Просто устала.

Она посмотрела на меня слишком внимательно. Матери даже после инсульта видят больше, чем нужно.

– Это из-за Ильи?

Я взяла ложку, помешала уже размокшую кашу, хотя есть не хотелось.

– Из-за него тоже.

– Он опять что-то натворил?

Я усмехнулась. Горько, безрадостно.

– Слово «опять» тут самое точное.

Мама прикрыла глаза на секунду. Я видела, как ей больно даже думать об этом. Она всегда защищала Илью дольше, чем стоило. Потому что он младший. Потому что мальчикам труднее. Потому что «он еще поймет». Только ему уже тридцать два, а он все еще жил так, будто за ним кто-то обязательно подотрет последствия.

Этим «кто-то» всегда оказывалась я.

– Он хороший, – привычно сказала мама, но уже без прежней уверенности.

– Хорошие люди не топят семью вместе с собой.

Она ничего не ответила.

Я тоже замолчала. Резкость в голосе была не для нее, но остановиться я уже не могла. За последние месяцы внутри накопилось столько злости, что она выходила даже тогда, когда я не хотела.

В прихожей хлопнула дверь.

Илья.

Он вошел на кухню с лицом человека, который уже заранее уверен: его должны пожалеть. Щетина, помятая куртка, запах чужого сигаретного дыма, красные глаза после бессонной ночи или дешевого виски – я уже не различала. Раньше мне было жалко его в такие моменты. Теперь – нет.

– Привет, – бросил он.

Я даже не ответила.

Он остановился у двери, перевел взгляд с меня на маму, и по его лицу пробежало то самое выражение осторожности, которое появляется у людей, когда они понимают: воздух в комнате опасный.

– Ну? – спросил он. – Ты ездила?

– Ездила.

– И что?

Я подняла на него глаза.

Наверное, впервые в жизни я смотрела на собственного

брата так, будто не знала, кто передо мной. Не родной человек. Причина. Последствие. Чужая ошибка, за которую мне опять платить.

– Тебе правда интересно, какой ценой тебя вытаскивают? Он дернулся.

– Алин, ну не начинай...

– Не начинай? – Я встала так резко, что стул скрипнул по полу. – Ты хочешь именно с этого начать утро? С фразы «не начинай»?

– Я и так на нервах.

– Ты? На нервах?

– А ты думаешь, мне легко? – вспыхнул он. – Думаешь, я хотел, чтобы так вышло?

– А как ты хотел? Чтобы ты поиграл в большого бизнесмена, а потом пришла я и тихо за тебя расплатилась? Как всегда?

– Я не просил...

– Нет, ты никогда не просишь. Ты просто доводишь до края, а потом делаешь глаза несчастного мальчика.

– Хватит! – в голосе мамы прозвучало больше силы, чем я ожидала.

Мы оба замолчали.

Она смотрела на нас с такой усталостью, что мне стало стыдно. Но только на секунду. Потому что я слишком давно жила в этом круге: Илья ломает, я собираю, мама плачет, а потом все снова.

– Не при мне, – прошептала она.

Я медленно выдохнула, сжала пальцами край стола.

– Извини, мам.

Илья потер лицо ладонями, сел на табурет и глухо спросил:

– Есть выход?

Я посмотрела на него долго. Наверное, слишком долго. Потому что он наконец поднял глаза и напрягся.

– Есть, – сказала я.

– Какой?

Я уже открыла рот – и закрыла.

Я не могла это произнести. Не здесь. Не при маме. Не вслух. Потому что после этого все станет окончательно реальным.

– Я решу, – произнесла я. – Тебе достаточно этого.

– Али...

– Нет. Теперь слушай меня. Очень внимательно. Если я тебя вытащу, это будет в последний раз. Не в сотый, не в очередной. В последний. Еще один такой «бизнес», еще один такой долг, еще один звонок от людей, которые ищут тебя через меня, – и я исчезну из твоей жизни. Совсем. Понял?

Он отвел взгляд.

– Понял.

Но я знала это его «понял». Пустое. Скользкое. На два дня.

Только сегодня мне уже было все равно. Не до перевоспи-

тания. Не до надежд. Не до родственных чувств.

Сегодня я шла продавать свою свободу.

Офис Воронцова днем выглядел еще холоднее, чем вечером.

Стекло. Камень. Металл. Ничего лишнего. Пространство, в котором даже дорогие вещи казались не роскошью, а оружием. Здесь не жили – здесь демонстрировали власть.

На ресепшене меня уже ждали. Девушка в строгом костюме поднялась мне навстречу так быстро, будто мое имя стояло в расписании между очень важными переговорами и чьим-то банкротством.

– Добрый день, Алина Сергеевна. Андрей Викторович ждет вас. Прошу за мной.

От того, как легко меня вписали в этот мир, стало еще хуже.

Лифт поднял меня на верхний этаж почти бесшумно. Сердце, наоборот, работало слишком громко. Я слышала его даже в висках.

Дверь кабинета открылась сразу.

Воронцов стоял у панорамного окна. Сегодня без пальто, в темной рубашке, с закатанными до локтей рукавами. Я зачем-то заметила его руки – сильные, спокойные, красивые той мужской красотой, которая особенно раздражает, когда ты человека ненавидишь.

Он обернулся.

Ни удивления, ни торжества. Будто и не сомневался, что

я приду.

Это взбесило почти сильнее, чем сама ситуация.

– Вы пришли вовремя, – сказал он.

– Не льстите себе. Я пришла не к вам. Я пришла за решением проблемы.

– В данном случае это одно и то же.

Я не села. Осталась стоять у двери.

– Я согласна.

Он посмотрел на меня внимательно, но без малейшей мягкости.

– Сядьте.

– Я не собираюсь задерживаться здесь дольше необходимого.

– Сядьте, Алина. Вам придется прочитать контракт.

Я подошла к столу и опустилась в кресло. На темной поверхности уже лежала папка – другая, не та, что вчера. Плотная, идеально ровная, будто ее собрали специально не для сделки, а для приговора.

Рядом сидел мужчина лет пятидесяти в очках без оправы. Юрист. Разумеется.

Он коротко кивнул мне.

– Добрый день. Меня зовут Константин Львович. Я представляю интересы Андрея Викторовича. Перед вами брачный договор и соглашение о конфиденциальности. Я готов пояснить любой пункт.

Я едва не рассмеялась. От нервов.

Конечно, у фиктивного брака с человеком вроде Воронцова должен быть юрист. Возможно, целая армия юристов.

– Начинайте, – сказала я.

Юрист открыл документ и заговорил тем сухим, идеально ровным тоном, которым обычно озвучивают вещи, после которых у других людей рушится жизнь.

Срок брака – двенадцать месяцев.

Совместное проживание – обязательно.

Публичные мероприятия – по согласованному графику.

Обязательство не разглашать условия договора.

Запрет на интервью, комментарии, любые публичные заявления без согласования.

Финансовое обеспечение с его стороны.

Полное погашение долга Ильи – сразу после регистрации брака.

Ежемесячное содержание.

Отдельный счет.

Медицинское сопровождение для матери.

Я подняла голову.

– Что?

Юрист посмотрел в бумаги.

– Пункт двенадцатый. Расходы, связанные с лечением и реабилитацией вашей матери, берет на себя Андрей Викторович на период действия брака.

Я перевела взгляд на Воронцова.

– Я об этом не просила.

– Знаю.

– Тогда зачем?

– Потому что мне не нужна жена, которая будет каждую неделю выбирать между сиделкой для матери и очередным светским ужином.

Я не нашлась с ответом. Меня как будто на секунду выбили из собственной роли. Я была готова к давлению, к контролю, к унижению. Но не к этой точности. Не к тому, что он заранее узнал, где у меня самые больные места.

– Вы копались в моей жизни? – тихо спросила я.

– Я собираюсь заключить с вами брак. Было бы странно не знать, с кем именно.

– Это отвратительно.

– Возможно.

Он говорил так спокойно, что хотелось швырнуть в него этой папкой.

Юрист тактично кашлянул и продолжил:

– Также отдельно прописан пункт о личных границах. Интимные отношения не являются обязательным условием данного брака без отдельного обоюдного согласия сторон.

Я стиснула зубы.

Даже это здесь было написано. Черным по белому. Как график уборки или оплата коммунальных услуг.

– Очень предусмотрительно, – сказала я, не глядя на Воронцова.

– Я предпочитаю ясность, – ответил он.

– Нет. Вы предпочитаете контроль.

– Это не одно и то же?

– Нет. Ясность оставляет человеку воздух. Контроль – нет.

Что-то мелькнуло в его глазах. Почти интерес. Почти уважение. Мне это не понравилось.

Юрист перелистнул страницу.

– Есть также условие, касающееся верности на время действия брака. Поскольку союз будет публичным, любые связи на стороне недопустимы.

Я вскинула голову.

– Простите?

– Это стандартная мера для защиты репутации обеих сторон.

– Обоих? – Я усмехнулась. – Моя репутация вас правда волнует?

– Меня волнует отсутствие скандалов, – ровно сказал Воронцов.

– То есть я должна изображать вашу идеальную жену, жить в вашем доме, ходить на ваши мероприятия, молчать, улыбаться, быть верной – и все это вы называете сделкой?

– Да.

– А вы? – резко спросила я. – На вас этот пункт тоже распространяется?

Юрист замер.

Воронцов ответил сам:

– Да.

Я ожидала чего угодно. Уклончивости. Холодной усмешки. Мужского «это другое». Но не прямого ответа.

– И вы готовы это подписать? – спросила я.

– Я не предлагаю условий, которых не соблюдаю сам.

На несколько секунд в кабинете повисла тишина.

Я ненавидела тот факт, что он снова выбил у меня почву.

Потому что чудовища, оказывается, тоже бывают принципиальными. И от этого они становятся только опаснее.

– Что за личный мотив? – спросила я. – Вчера вы сказали, что дело не только в выгоде.

– Сегодня это не предмет обсуждения.

– Для меня – предмет.

– Для вас сегодня предмет один: подписывать или нет.

Я посмотрела на бумаги.

Черные буквы расплывались, будто я сидела слишком близко к экрану. Договор был составлен безупречно. Никакой грязи. Никакой пошлости. Никаких прямых унижений. Все корректно, юридически чисто, даже почти... уважительно.

И именно поэтому было особенно страшно.

Если бы он оказался банальным мерзавцем, мне было бы проще. Ненавидеть прямолинейное зло легко. Гораздо труднее, когда перед тобой человек, который ломает твою жизнь аккуратно, дорого и почти вежливо.

– Я хочу добавить условие, – сказала я.

Юрист удивленно поднял брови. Воронцов – нет.

– Говорите.

– Мой брат не будет работать на вас. Ни прямо, ни через ваши компании, ни через ваших людей. Никогда.

Юрист перевел взгляд на Воронцова.

Тот чуть заметно кивнул.

– Добавьте.

Я замолчала на секунду.

– И еще одно.

– Слушаю.

– Моя мать не должна знать правду. Для нее это обычный брак. С нормальным знакомством, нормальной свадьбой, нормальной историей. Без контракта. Без долга. Без ваших игр.

– Хорошо, – сказал он.

Слишком быстро.

– Вы даже не спорите?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я и так не собирался посвящать вашу мать в детали.

Я медленно выдохнула. Внутри росло странное чувство – не облегчение, нет. Скорее ощущение, что меня загоняют в клетку не силой, а тем, что все ключи уже лежат у него в кармане.

Юрист внес правки, распечатал дополнительный лист, положил передо мной.

– Проверьте, пожалуйста.

Я смотрела на место для подписи так, будто это была тонкая граница между двумя жизнями. До и после.

До – я еще принадлежала себе.

После – уже нет.

– А если через месяц я пойму, что не могу? – спросила я, все еще не беря ручку.

– Тогда вы нарушите договор, – ответил Воронцов.

– И что будет?

– Ничего хорошего.

– Какой содержательный ответ.

– Другого у меня нет.

Я подняла глаза.

– Вы хоть раз в жизни любили кого-нибудь, Андрей Викторович?

Вопрос вырвался сам. Неуместный, резкий, личный.

Юрист тактично отвел взгляд.

А Воронцов посмотрел на меня так, что на секунду я пожалела о сказанном.

Не потому, что испугалась. Потому что в его лице вдруг стало слишком много тишины.

– Именно поэтому я и не женюсь по любви, – сказал он наконец.

У меня по спине прошел холодок.

Все-таки там было что-то. Какая-то старая рана, о которой он не говорил, но она стояла за каждым его словом, за

каждым условием, за всей этой невозможной сделкой.

И, что хуже всего, мне стало любопытно.

Я тут же разозлилась на себя за это.

Любопытство – опасная вещь рядом с такими мужчинами.

Я взяла ручку.

Пальцы дрогнули. Совсем чуть-чуть, но я почувствовала это так остро, будто дрогнула не рука – вся моя жизнь.

Подпись вышла ровной.

Красивой.

Почти торжественной.

Как будто я расписывалась не под договором о фиктивном браке, а под чем-то, что давно уже было решено без меня.

Юрист аккуратно забрал бумаги.

– Благодарю. Подготовка к регистрации начнется сегодня.

Предварительная дата – послезавтра. До этого вам доставят необходимые документы, а также список мероприятий на ближайший месяц.

– Послезавтра? – Я резко подняла голову. – Вы серьезно?

– Да, – ответил Воронцов. – Я не люблю растягивать процессы.

– Вы говорите о браке как о слиянии компаний.

– В известной степени так и есть.

– Для вас, может быть.

– А для вас это спасение семьи. Не надо делать вид, что у нас разные мотивы в части пользы.

Я встала.

– Я вас не выношу.

– Это уже второй раз за два дня. Стабильность обнадеживает.

– А вас ничего не трогает?

Он тоже поднялся.

– Ошибаетесь.

– Тогда почему по вам этого не видно?

– Потому что взрослые люди не обязаны выворачивать душу каждому собеседнику.

Эта фраза ударила сильнее, чем должна была. Наверное, потому что в ней была правда. Неприятная, холодная, неудобная.

Юрист собрал бумаги и тихо вышел, оставив нас одних.

Слишком одних.

Я потянулась к сумке, но Воронцов вдруг сказал:

– Подождите.

Я замерла.

Он обошел стол, открыл верхний ящик и достал маленькую темно-синюю коробку. Не бархатную, не показушную, а строгую, дорогую, без логотипов на виду.

Положил передо мной.

– Что это?

– Кольцо.

Я даже не прикоснулась к коробке.

– Вы издеваетесь?

– Нет. В вашем положении странно выходить замуж без

кольца.

– Моё положение?

– Моё тоже. У фикции должны быть убедительные детали.

Я открыла коробку.

Тонкое кольцо из белого золота с прозрачным камнем. Без вычурности. Очень красивое. Именно такое, какое я выбрала бы себе сама – если бы вообще когда-нибудь выбирала обручальное кольцо.

От этого стало нехорошо.

– Вы и это выяснили заранее? – спросила я.

– Что именно?

– Что я не люблю кричащую роскошь.

– Да.

Я захлопнула коробку.

– Ненавижу, когда вы все знаете.

– Привыкнете.

– Нет.

– Посмотрим.

Я взяла коробку, как берут что-то опасное.

– Я не ваша вещь.

Он посмотрел на меня долго, почти неподвижно.

– Именно поэтому вы здесь.

– Не поняла.

– Вещи удобны, Алина. А вы – нет.

И снова это странное чувство. Не слабость. Не симпатия.

Хуже. Ощущение, что подо льдом есть глубина, в которую

нельзя смотреть слишком долго.

Я отвернулась первой.

– Когда переезд?

– Сегодня вечером.

– Что?

– Ваши вещи уже помогут собрать. Все необходимое подготовлено.

– Вы с ума сошли.

– Нет. Просто организован.

– Я не перееду к вам сегодня.

– Переедете.

– Не смейте распоряжаться мной.

– Это не распоряжение. Это условие договора, который вы только что подписали.

Я стиснула коробку так, что в ладонь впились острые края.

– Вы отвратительный человек.

– Возможно. Но вам придется прожить со мной год.

– Я не проживу.

– Проживете. Вопрос только в том, кем вы выйдете из этого брака.

Я шагнула к двери.

– Одно могу сказать точно: лучше я не стану.

– В этом я тоже не уверен, – прозвучало мне в спину.

Я не ответила.

Просто вышла из кабинета, чувствуя, как внутри все гудит от злости, страха и чего-то нового, чему я пока не хотела

давать имя.

В лифте я снова открыла коробку.

Кольцо холодно блеснуло на темной подкладке.

Красивое.

Чужое.

Мое только по документам.

Я смотрела на него и вдруг поняла самое страшное: все происходит слишком быстро не потому, что он торопится.

А потому, что если бы у меня было время, я могла бы передумать.

И он это прекрасно знал.

Вечером, когда в дверь нашей квартиры позвонили люди из службы перевозки с вежливой просьбой «помочь собрать личные вещи Алины Сергеевны», мама растерянно посмотрела на меня, а я впервые в жизни солгала ей так спокойно, будто репетировала это годами.

– Все хорошо, мам, – сказала я. – Просто... я выхожу замуж.

Она застыла.

Потом на ее лице появилось такое светлое, потрясенное счастье, что мне стало почти физически больно.

– Господи... Алина...

И в эту секунду я поняла: назад дороги действительно нет.

Потому что теперь эта ложь стала не только моей.

Она стала частью нашей семьи.

Глава 3. Жена на бумаге

Квартира Воронцова оказалась именно такой, какой я ее и представляла.

Слишком просторной, слишком тихой, слишком дорогой, чтобы в ней можно было по-настоящему жить.

Здесь не было ни одной случайной вещи. Ни кружки, оставленной на подлокотнике дивана. Ни книги, брошенной на журнальный столик. Ни пледа, ни смешной безделушки, ни следа чьей-то слабости. Все стояло на своих местах с пугающей точностью. Серый камень, темное дерево, матовое стекло, мягкий свет, дорогой запах чистоты и мужских духов, въевшийся в сам воздух.

Это был дом человека, который привык контролировать все.

Даже пустоту.

Я стояла в гостиной с пальто в руках, пока двое мужчин заносили мои коробки и чемоданы так аккуратно, будто перевозили не вещи, а улики. За их спинами бесшумно двигалась женщина лет сорока пяти в строгом темно-синем платье. Собранная, спокойная, с тем самым выражением лица, какое бывает у людей, видевших все и давно разучившихся удивляться.

– Добрый вечер, Алина Сергеевна, – сказала она. – Меня зовут Елена Павловна. Я управляю домом. Если вам что-то

понадобится, вы можете обращаться ко мне напрямую.

Управляет домом.

Конечно. У таких мужчин даже домом кто-то управляет.

– Спасибо, – ответила я.

– Ваши вещи разместят в хозяйском блоке. Андрей Викторович распорядился подготовить для вас гардеробную и отдельную ванную.

– Хозяйский блок? – переспросила я.

– Ваши комнаты рядом с его.

Мои комнаты.

Я чуть не усмехнулась.

У меня в квартире детство умещалось в старом комоде, а взрослая жизнь – в шкафу с заедающей дверцей. А здесь мне выделили «комнаты», как будто это естественно, когда человека покупают вместе с пространством.

– Он дома? – спросила я.

– Нет. У него встреча. Будет позже.

Я невольно выдохнула. Незаметно, но Елена Павловна, кажется, все равно это заметила.

– Ужин подадут, когда вам будет удобно, – продолжила она. – Или в вашу комнату, или в столовую.

– Я не голодна.

– Понимаю.

И вот это «понимаю», сказанное без тени любопытства, прозвучало неожиданно по-человечески.

Мужчины ушли. Шаги стихли. Огромная квартира снова

стала тихой. Не уютной – именно тихой. Как музей после закрытия.

– Показать вам комнату? – спросила Елена Павловна.

– Да.

Мы поднялись на второй уровень по широкой лестнице с подсветкой в ступенях. Я смотрела под ноги, чтобы не думать, насколько глупо и странно все это выглядит со стороны. Еще утром я жила в своей обычной жизни – тяжелой, нервной, но понятной. А теперь поднимаюсь по лестнице в дом мужчины, за которого через два дня должна выйти замуж, потому что мой брат разрушил свою жизнь, а я слишком привыкла спасать чужие.

Дверь в спальню открылась бесшумно.

Комната была большой, светлой, с панорамными окнами и серо-молочной гаммой, от которой сразу становилось понятно: интерьер подбирал не тот, кто живет чувствами. Кровать с высоким мягким изголовьем, кресло у окна, длинный туалетный столик, на котором уже стояла свежая белая орхидея. В стороне – дверь в гардеробную, дальше – ванная.

Все идеально.

Все чужое.

Я медленно прошла внутрь, поставила сумку на кресло.

– Если вам что-то не подойдет, скажите, – произнесла Елена Павловна. – Мы все изменим.

Мы.

Я повернулась к ней.

– А у Андрея Викторовича все всегда по плану?

В ее глазах мелькнуло что-то похожее на осторожную улыбку.

– Почти всегда.

– Значит, мне предстоит редкий случай?

– Возможно.

Она сказала это нейтрально, но я уловила подтекст: в этом доме нечасто появлялись люди, способные сдвинуть что-то с идеально размеченных мест.

– Спасибо, – повторила я уже тише.

– Отдохните. Если захотите чаю, скажите.

Когда за ней закрылась дверь, я осталась одна.

Только тогда позволила себе медленно сесть на край кровати.

Матрас был слишком мягким. Тишина – слишком плотной. Сумка с вещами казалась жалкой и неуместной на фоне этой дорогой безупречности.

Я открыла телефон. Двенадцать пропущенных от Ильи, три сообщения от сиделки, одно – от коллеги по работе, который спрашивал, правда ли я внезапно беру отпуск. Видимо, люди Воронцова уже успели решить и это.

Я ответила сиделке, написала коллеге короткое: **«Семейные обстоятельства. Позже объясню»**, а потом все-таки открыла чат с братом.

Илья:

Ты можешь нормально объяснить, что происходит?

Что значит замуж?

Ты с ума сошла?

Это из-за долга?

Алина, ответь.

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри поднимается медленная тяжелая злость.

Вот ведь как интересно устроены некоторые мужчины. Пока за них расплачиваются – они молчат. Как только понимают, что цена может оказаться выше, чем им нравится, – начинают волноваться.

Я набрала одно сообщение:

Тебя это не касается. Просто исчезни на несколько дней и не лезь.

Ответ пришел почти сразу.

Ты серьезно?

Я не ответила.

Положила телефон рядом и вдруг заметила на столике у окна плотную кремовую папку. Открыла.

Внутри лежал распечатанный график ближайших дней.

Завтра – визит стилиста.

Завтра же – примерка платья.

Послезавтра – закрытая регистрация.

Через три дня – ужин с его матерью.

Через пять – благотворительный вечер.

Я сжала листы так, что они хрустнули в пальцах.

Даже моя будущая усталость уже была внесена в расписа-

ние.

Внизу лежала записка. Всего одна строчка, написанная от руки.

«Не опаздывайте. Это единственное, о чем я прошу.»

Я узнала его почерк сразу. Ровный, жесткий, почти красивый до раздражения.

– Ненавижу, – сказала вслух пустой комнате.

И в этот момент дверь открылась.

Я резко обернулась.

Воронцов стоял на пороге, снимая с запястья часы. Видимо, вошел без стука, потому что считал это пространство уже своим. Впрочем, не только пространство.

На нем был темный костюм, галстук чуть ослаблен, лицо уставшее, но все такое же собранное. Он задержал взгляд на листах в моих руках, потом на мне.

– Вижу, график вас не обрадовал.

– Вы вообще когда-нибудь спрашиваете, чего хотят другие люди?

– Иногда.

– И что, вам отвечают?

– Обычно слишком поздно.

Я встала.

– Вы могли хотя бы постучать.

– Мог.

– Но не стали.

– Не стал.

Он говорил так, будто это не спор, а короткий обмен информацией.

– Вам не кажется, что между нами слишком мало границ для людей, которые почти незнакомы? – спросила я.

– Кажется. Но у нас и ситуация не вполне обычная.

– Перестаньте все оправдывать обстоятельствами. Вам просто удобно жить так, будто весь мир уже подписал с вами контракт.

На секунду мне показалось, что я перегнула. Но он только медленно прошел в комнату и остановился у кресла.

– У вас будет время привыкнуть.

– А если я не хочу привыкать?

– Это не обязательный пункт. Достаточно соблюдать условия.

Снова этот его тон. Спокойный до бешенства.

Я бросила график на стол.

– Вы решили за меня все. Работу. Переезд. Платье. Встречи. Даже, кажется, выражение лица на свадьбе.

– Нет. Лицо – на ваш выбор.

Я шумно выдохнула.

– Иногда мне кажется, что вы специально выводите меня из себя.

– Нет. Это у вас получается без моей помощи.

Он сел в кресло так естественно, будто пришел не ко мне в спальню, а в свой кабинет. Хотя, наверное, для него разницы

не было.

– Вы ужинали? – спросил он.

Я моргнула.

– Что?

– Вы ужинали?

– Вас правда сейчас это волнует?

– Да.

– Нет.

Он кивнул, будто ожидал именно этого ответа.

– Тогда через десять минут спускайтесь в столовую.

– Я не просила со мной ужинать.

– А я не спрашивал.

Я подошла ближе.

– Послушайте. Давайте проясним сразу. Я здесь не потому, что вы мне нравитесь. Не потому, что верю вам. И уж точно не потому, что собираюсь играть счастливую невесту с блеском в глазах.

Он поднял на меня взгляд.

– А я вас сюда звал не для романтики.

– Вот и отлично.

– Отлично.

Повисла пауза. Странная, натянутая, слишком внимательная с обеих сторон.

Я первой отвела взгляд.

– Тогда зачем этот ужин?

– Потому что мы живем под одной крышей. Потому что

через два дня вы станете моей женой. И потому что я не хочу, чтобы вы падали в обморок от голода на людях.

– Как трогательно.

– Не переоценивайте.

И все же я уловила в этом нечто большее, чем голый контроль. Не заботу. Нет. Но что-то похожее на привычку следить, чтобы система не ломалась. Даже если эта система – я.

– Хорошо, – сказала я. – Через десять минут.

Он встал.

У двери остановился.

– И еще.

– Что?

– Завтра утром к вам приедет стилист. Не спорьте с ним заранее. Это бесполезно.

– А с вами, значит, полезно?

– Иногда. Если у вас хорошие аргументы.

– У меня есть один. Очень хороший.

– Какой же?

– Уйдите из моей комнаты.

На этот раз он все-таки улыбнулся. Совсем коротко. Почти незаметно. Но от этого в его лице вдруг появилось что-то опасное. Не мягкость. Живое.

– Это был неплохой аргумент, – сказал он и вышел.

Дверь закрылась.

Я осталась стоять посреди комнаты, глядя в пустоту.

И только через несколько секунд поняла, что впервые ви-

жу, как он улыбается.

Это разозлило меня куда сильнее, чем если бы он снова был холодным.

Столовая оказалась слишком большой для двоих.

Длинный темный стол, приглушенный свет, стеклянная стена с видом на вечерний город. Москва под нами сияла огнями так, будто все в этом мире было простым и красивым. Будто людям не приходилось продавать себя за чужие ошибки.

На столе уже стояли блюда. Ничего вычурного: запеченная рыба, овощи, хлеб, графин с водой. Я почему-то ожидала чего-то показательно роскошного, но нет. Все было сдержанно. Как и сам хозяин дома.

Воронцов сидел во главе стола и просматривал что-то в телефоне. Услышав мои шаги, отложил его.

– Садитесь.

– Вы всем так командуете, даже когда речь о хлебе и стуле?

– Нет. Иногда я еще хуже.

Я села напротив.

Несколько секунд мы молчали. Я взяла вилку только потому, что не хотела выглядеть слабой. Хотя кусок действительно не лез в горло.

– Завтра с утра к вашей матери приедет новый невролог, – сказал он так спокойно, будто говорил о погоде.

Я резко подняла голову.

– Что?

– Один из лучших в городе. Он посмотрит назначения, скорректирует схему лечения, если потребуется.

– Я же сказала: не надо лезть в мою жизнь глубже, чем уже влезли.

– Поздно.

– Вы невероятны.

– Это комплимент?

– Это предупреждение.

Он налил воды в мой бокал.

– Вы можете предупреждать меня сколько угодно. Но если я уже взял на себя обязательства, я их выполняю.

– Даже если вас об этом не просили?

– Особенно тогда, когда люди слишком горды, чтобы просить.

Я отложила вилку.

– Не надо делать вид, будто вы понимаете гордость. Вы покупаете людей, Андрей Викторович. Какая уж тут гордость.

Он не ответил сразу. Посмотрел на меня поверх бокала.

– Нет, Алина. Я покупаю только то, что продается.

Удар пришелся точно.

Щеки вспыхнули. Меня будто обожгло изнутри.

– Значит, я продаюсь?

– Вы спасаете семью.

– Красивое оправдание.

– Оно ваше, не мое.

Я встала так резко, что нож задел тарелку.

– Отлично. Тогда ужинайте один.

– Сядьте.

– Нет.

– Сядьте, – повторил он, уже жестче. – И не уходите, когда разговор становится неприятным.

– А вы не превращайте все в допрос.

– Это не допрос. Это попытка не лгать друг другу больше, чем уже придется.

Я замерла.

Он тоже встал.

Теперь нас разделял не стол, а всего несколько шагов. И это оказалось куда хуже. На расстоянии он был слишком живым, слишком реальным, слишком мужчиной – не журнальной обложкой, не фамилией, не источником проблем, а человеком, рядом с которым тело почему-то начинало реагировать отдельно от разума.

Меня это взбесило.

– Знаете, что самое отвратительное? – тихо сказала я. – Вы ведь правда считаете себя честным.

– В чем-то – да.

– Вы принуждаете женщину к браку и называете это честностью.

– Я предложил сделку. Вы согласились.

– У меня не было выбора.

– У людей почти никогда нет идеального выбора. Только

степень боли.

Я смотрела на него и понимала, что спорю не с мужчиной, а со стеной. С очень умной, очень холодной стеной, которая почему-то иногда смотрит так, будто внутри у нее тоже что-то когда-то сломалось.

– Я не буду вам благодарна, – сказала я.

– Я и не жду.

– Не буду милой.

– Это уже очевидно.

– И послушной тоже.

Он чуть склонил голову.

– Посмотрим.

– Не смейте говорить со мной так.

– Как?

– Как будто вам интересно, ломаюсь я или нет.

На этот раз он ответил не сразу.

– Мне интересно другое, – произнес он тихо.

– Что же?

– Сколько в вас сил на самом деле.

Сердце ударило слишком резко.

Я не ожидала этого. Ничуть.

Не жалости. Не насмешки. Не желания задеть. А именно этого – холодного, внимательного признания.

Я вдруг очень ясно поняла, что он видит меня не как красивое приложение к сделке. И не как жертву. Он смотрит так, будто оценивает равную опасность. Не по положению.

По внутреннему устройству.

Это почему-то оказалось страшнее всего.

Я медленно села обратно.

Он тоже.

Дальше мы ужинали молча.

Тишина уже не была пустой. Она стала другой – натянутой, насыщенной, почти осязаемой. Я слышала звон столовых приборов, шум города за стеклом, собственное дыхание. И его взгляд – даже тогда, когда он не смотрел прямо.

Когда ужин закончился, я первой поднялась из-за стола.

– Спасибо, – сказала сухо.

– За что именно?

– За то, что не заставили надевать белое платье прямо сегодня.

Он чуть заметно усмехнулся.

– Не торопите события.

Я развернулась к двери, но остановилась.

– У меня будет своя спальня и после свадьбы?

– Да.

Это прозвучало слишком быстро.

Я повернулась.

– Вот так просто?

– А вы ожидали другого?

Я не ответила.

Потому что сама не знала, чего ожидала. И это было особенно неприятно.

– В контракте все указано, – добавил он.

– Иногда мне кажется, вы прячетесь за контрактом.

– А вам не кажется, что это самый безопасный способ для нас обоих?

Я ушла, не отвечая.

Но уже в своей комнате поняла, что вопрос застрял внутри.

Для нас обоих.

Не только для меня.

Не только чтобы контролировать.

Не только чтобы получить свое.

Будто он и правда чего-то боялся.

Я стояла у окна, глядя на ночной город, и медленно крутила на пальце то самое кольцо, которое так и не решилась надеть.

Брак еще не состоялся.

А я уже чувствовала себя так, словно вошла в дом человека, у которого слишком много закрытых дверей.

И одна из них, как назло, уже начала меня притягивать.

Глава 4. Его настоящая причина

Утро началось с чужих рук.

Не в том смысле, о котором обычно пишут в дешевых романах. К сожалению или к счастью – не знаю. Просто в девять ноль-ноль в мою спальню вошли три женщины и один мужчина с чемоданами, кофрами, стойками, отпаривателями и таким выражением лиц, будто им предстояло не собрать меня на закрытую регистрацию, а восстановить после кораблекрушения чью-то драгоценную репутацию.

– Доброе утро, Алина Сергеевна, – пропела хрупкая брюнетка с планшетом. – Я Марина, стилист. Это Ася, визажист, Инна, парикмахер, и Павел, он привез варианты платьев. Андрей Викторович просил начать без задержек.

Конечно, просил.

Я стояла посреди комнаты в халате, босая, с еще мокрыми после душа волосами, и смотрела на них с таким выражением, что кто-то менее опытный наверняка бы попятился. Но эти люди работали в мире Воронцова. Их явно так просто было не смутить.

– А если я скажу, что не хочу начинать? – спросила я.

Марина улыбнулась профессионально, не дрогнув.

– Тогда мы начнем очень деликатно.

– Потрясающе.

Она положила планшет на столик и приблизилась ко мне

с той осторожной уверенностью, с какой подходят к дикой кошке: вроде бы мягко, но внутренне уже готовые, что тебя сейчас оцарапают.

– Мы не ваши враги, Алина Сергеевна.

– Сегодня это сомнительное утешение.

– Тогда считайте нас временными союзниками.

Я едва заметно усмехнулась. Эта женщина мне уже нравилась больше, чем хотелось бы.

Через пятнадцать минут я сидела перед зеркалом, а вокруг меня происходило то, что богатые люди называют подготовкой, а обычные – легальным сумасшествием. Пряди поднимали, укладывали, отбрасывали. К лицу прикладывали ткани. На кровати, креслах и стойках уже висело несколько платьев – все светлые, все дорогие, все такие, какие я никогда бы не примеряла по доброй воле.

– Белый исключаем, – сказала я, глядя на отражение Марины.

Она подняла на меня глаза в зеркале.

– Андрей Викторович предупредил.

– Правда?

– Да. Сказал, что вам не подойдет наигранная невинность.

Я замерла.

– Он так и сказал?

– Почти дословно.

Меня снова кольнуло это неприятное чувство. Он думал. Заранее. О деталях, которые я сама еще не успела сформу-

лировать.

– Тогда что остается? – спросила я.

Павел распахнул кофр с платьями.

– Жемчужный, дымчато-бежевый, холодный шампань, мягкий серо-кремовый. Без лишнего кружева, без фаты, без... романтического сиропа.

– Прекрасно. Хотя бы кто-то здесь понимает язык человеческой усталости.

Марина улыбнулась краешком губ.

– Вы удивитесь, но Андрей Викторович тоже.

Я ничего не ответила.

Потому что не хотела даже мысленно допускать, что в этом мужчине может быть что-то кроме холода, контроля и идеально просчитанных решений.

Платье выбрали через час.

Оно оказалось не свадебным в привычном смысле. Мягкий светлый оттенок, длинные рукава, строгая линия плеч, никакой пены из кружев, никакой попытки сделать из меня восторженную невесту. Просто красивое платье для женщины, которая идет не замуж, а на собственную казнь – и при этом не собирается выглядеть жертвой.

Когда я вышла в нем из гардеробной, в комнате впервые стало тихо.

Марина отошла на шаг и кивнула самой себе.

– Вот. Именно это.

Я посмотрела в зеркало.

И не сразу узнала себя.

Не принцесса. Не счастливая невеста. Не девушка в ожидании любви. В зеркале стояла взрослая женщина с прямой спиной, холодными глазами и такой сдержанной красотой, которую дает не юность, а пережитое.

Мне вдруг стало трудно дышать.

Потому что я увидела, как именно меня хочет представить миру Воронцов.

Не нежной.

Сильной.

И почему-то это ранило сильнее, чем если бы он выбрал белое облако из тюля.

– Снимайте, – сказала я.

– Вам плохо? – сразу насторожилась Марина.

– Нет. Просто снимайте.

Мне нужно было снова стать собой. Хотя бы на несколько часов.

После полудня я нашла Воронцова в кабинете.

В этот раз я постучала не из вежливости, а чтобы самой не войти в его пространство так же бесцеремонно, как он входил в мое. Он что-то просматривал на ноутбуке и, не поднимая глаз, сказал:

– Войдите.

Я закрыла за собой дверь.

– Нам нужно поговорить.

Он поднял взгляд. Один короткий взгляд – и сразу закрыл

ноутбук, будто уже понял: разговор не о платье и не о времени выезда.

– Садитесь.

– Я постою.

– Как хотите.

Я подошла ближе к столу.

– Почему вы выбрали именно меня?

Он смотрел спокойно. Слишком спокойно для человека, которому задают вопрос, способный перевернуть весь разговор.

– Мы уже обсуждали это.

– Нет. Вы уходили от ответа.

– Я ответил достаточно.

– Нет. Вы ответили ровно настолько, чтобы я подписала договор.

– И этого оказалось достаточно.

– Не повторяйте эту манеру говорить со мной так, будто все уже решено.

– Но многое уже решено, Алина.

– Тогда решите еще кое-что. Скажите правду.

Он откинулся на спинку кресла. Несколько секунд просто смотрел на меня, и я вдруг ясно ощутила: он прикидывает не что сказать, а сколько именно.

– Ваш отец, – произнес он наконец.

Меня будто ударили под ребра.

– Что?

– Причина частично связана с вашим отцом.

Я не сразу смогла заговорить.

– При чем здесь мой отец?

– Сядьте.

– Нет.

– Тогда хотя бы не перебивайте.

Я вцепилась пальцами в край стола.

– Говорите.

Он встал. Обошел стол, но не приблизился слишком близко. Остановился у окна.

– Пятнадцать лет назад, до того как я построил свою компанию, мой отец вел дела с вашим.

Я застыла.

– Нет, – тихо сказала я. – Мой отец никогда не вел дел с вашей семьей.

– Вел. Просто вы об этом не знали.

– Вы лжете.

– Нет.

Голос у него был ровный, но в нем не было ни тени привычной прохлады. Только усталость человека, который слишком давно носит в себе одну и ту же историю.

– Мой отец тогда работал неофициально через партнерскую схему. Часть активов была оформлена на третьих лиц. Один из документов, необходимых для сделки, исчез. Из-за этого все посыпалось. Люди, которые ждали денег, не получили их. Начались проверки, давление, долги. Через полгода

мой отец умер.

Я смотрела на него и чувствовала, как холодеют пальцы.

– И вы считаете, что в этом виноват мой отец?

– Я считал так много лет.

– Считал?

– Да.

– А сейчас?

Он помолчал.

– Сейчас я знаю, что все было сложнее.

У меня пересохло во рту.

– Тогда почему я здесь?

Он повернулся ко мне.

– Потому что ваш отец незадолго до смерти оставил письмо.

Я моргнула.

– Какое письмо?

– На имя моего отца. Оно до меня дошло только несколько месяцев назад, после смерти одного человека, который хранил бумаги.

Я покачала головой.

– Это невозможно.

– Возможно.

– Что было в письме?

Он смотрел мне в глаза слишком прямо.

– Признание, что документ исчез не случайно. Но не по его вине.

– Тогда по чьей?

– Он не успел назвать имя. Только написал, что пытался все исправить, но не успел. И что однажды, если правда выйдет наружу, он просит не трогать его семью.

В кабинете стало так тихо, что я слышала собственный пульс.

Не трогать его семью.

Я почти увидела отца – уставшего, молчаливого, надломленного, каким он был в последние месяцы. И в этой картине вдруг появилась щель, новая, страшная: а что, если все эти годы мы правда не знали чего-то главного?

– Если это правда... – медленно произнесла я, – то зачем вы втянули в это меня?

– Потому что хотел посмотреть вам в глаза.

Я уставилась на него.

– Что?

– Я знал вашу фамилию. Знал, кто вы. Потом нашел письмо. И понял, что слишком много лет жил на ненависти к человеку, который, возможно, не был главным виноватым. Но письмо не ответило на все вопросы.

– И вы решили жениться на мне?

– Я решил приблизиться к правде настолько, насколько мог.

Я рассмеялась. Резко, коротко, почти больно.

– Это безумие.

– Возможно.

– Нет, не «возможно». Это чудовищно. Вы использовали долг моего брата, чтобы затащить меня в свой дом и... что? Наблюдать? Искать сходство с моим отцом? Проверять, способна ли я лгать так же красиво?

На последних словах голос у меня сорвался.

Он дернулся едва заметно. Как будто это задело точнее, чем я рассчитывала.

– Я не думал, что все пойдет так далеко.

– О, правда? А куда, по-вашему, это должно было пойти? На уютные семейные ужины, где вы бы невзначай спрашивали, не прятал ли папа документы в старом шкафу?

– Хватит.

– Нет, не хватит! – Я шагнула к нему. – Вы не имеете права впутывать мертвых в свои большие игры!

– А вы не имеете права делать вид, что ничего не знали!

Мы замолчали одновременно.

Слова повисли между нами, как удар.

Я медленно выдохнула.

– Я правда ничего не знала, – сказала уже тише. – Если вы думаете, что мой отец посвящал меня в свои сделки, вы совсем не представляете, каким он был дома. Он молчал даже тогда, когда мы видели: он тонет. Он защищал нас не правдой, а тишиной.

Лицо Воронцова изменилось. Совсем немного. Но я увидела: он верит.

Или по крайней мере хочет верить.

– Я не говорил, что вы знали, – ответил он наконец.

– Но думали.

– Да.

– А теперь?

Он опустил взгляд на секунду, потом снова посмотрел на меня.

– Теперь я не уверен ни в чем.

И вот это прозвучало опаснее всех его прежних фраз.

Потому что человек вроде Андрея Воронцова не живет в неуверенности. Он строит себя на точности, контроле, решениях. А значит, если он признается в сомнениях, под ними действительно что-то есть.

– Это не причина для брака, – сказала я. – Это причина для разговора. Для расследования. Для нормального человеческого вопроса. Но не для этого.

– Я знаю.

– Тогда остановите все.

Он молчал.

– Остановите, – повторила я. – Если вам теперь ясно, что я ни при чем, прекратите это.

Он сделал шаг ко мне.

– А если я уже не хочу прекращать?

Воздух между нами стал тяжелым.

– Что?

– Вы слышали.

Я отступила на полшага.

– Не надо.

– Чего именно?

– Говорить так, будто это уже не про письмо, не про прошлое и не про долг.

– А если именно так и есть?

У меня сбилось дыхание.

Нет.

Нет, только не это.

Не здесь. Не сейчас. Не после всего, что он только что сказал.

– Вы сошли с ума, – прошептала я.

– Не исключено.

– Я для вас кто? Напоминание? Ошибка? Удобный способ добраться до старой боли?

– Сначала – возможно.

– А теперь?

Он молчал слишком долго.

Я ненавидела этот его способ не отвечать, когда ответ уже горел в комнате сильнее любого слова.

– Вот видите, – горько сказала я. – Даже сейчас вы не можете быть честным до конца.

– А вы хотите честности?

– Да!

– Хорошо.

Он подошел еще ближе. Так близко, что я почувствовала запах его рубашки, тепло кожи, напряжение, которое не

имело ничего общего с деловыми переговорами.

– Теперь я хочу понять, почему рядом с вами я впервые за много лет перестаю думать только о мести.

Сердце ударило так сильно, что стало больно.

Я смотрела на него и не могла пошевелиться.

Это не было признанием. Не любовью. Не нежностью. Но в этой фразе оказалось больше правды, чем во всех его договорах.

И именно поэтому она была опасной.

– Не смейте, – выдохнула я.

– Уже поздно.

– Для чего поздно?

– Для того, чтобы делать вид, будто вы мне безразличны.

Я отвернулась первой.

Потому что еще секунда – и он увидел бы в моем лице то, чего я сама не хотела видеть.

Слишком много за слишком короткое время.

Слишком много мужской прямоты после слишком долгой ледяной вежливости.

Слишком много прошлого, о котором я не знала.

– Уходите, – сказала я хрипло.

– Это мой кабинет.

– Тогда уйду я.

Я развернулась, но он взял меня за запястье.

Не грубо. Не больно. Но так уверенно, что я сразу застыла.

– Алина.

Я не обернулась.

– Что еще?

– Я не трону вас, если вы этого не хотите.

Меня почти затрясло от злости.

– Не в этом дело.

– Тогда в чем?

Я медленно повернулась к нему.

– В том, что вы разрушили слишком много, чтобы теперь позволить себе быть человеком.

В его лице что-то дрогнуло. Очень глубоко. Почти незаметно.

Он отпустил мою руку.

– Возможно, – сказал тихо.

Я вышла из кабинета, не оглядываясь.

Но уже за дверью остановилась и прислонилась спиной к стене, потому что ноги вдруг перестали быть надежными.

Отец.

Письмо.

Старая сделка.

Мечь, которая оказалась построена на неполной правде.

И мужчина, которого я должна ненавидеть, но который только что посмотрел на меня так, будто сам боится того, что между нами начинается.

Я закрыла глаза.

Это было хуже, чем если бы он оказался просто чудовищем.

Потому что чудовищ ненавидеть легко.

А вот что делать с женщиной, у которого под холодной кожей живет раненая правда, – я не знала.

Вечером я зашла в комнату матери, когда та уже собиралась ко сну.

После нового врача она выглядела непривычно оживленной. На щеках даже появился слабый румянец.

– Он очень хороший специалист, – сказала мама. – Откуда ты его нашла?

Я стояла у двери и не сразу ответила.

– Повезло.

– И жених у тебя, похоже, человек равнодушный.

Это слово резануло почти физически.

Равнодушный.

Если бы она знала.

– Мам...

– Что?

Я подошла, присела рядом на край кровати и взяла ее ладонь в свою. Тонкую, теплую, такую родную, что внутри вдруг стало совсем невыносимо.

– Папа когда-нибудь рассказывал тебе о каких-то... старых делах? О проблемах? О людях, которым он мог перейти дорогу?

Она нахмурилась.

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

– Просто так.

– Алина.

Мать всегда произносила мое имя особенным тоном, когда чувствовала: я пытаюсь пройти мимо чего-то важного.

– Я серьезно, мам. Он ничего не говорил? Совсем?

Она долго молчала.

Потом медленно покачала головой.

– Нет. Но... в последние месяцы перед смертью он часто вставал по ночам. Сидел на кухне один. И один раз я слышала, как он сказал по телефону: «Если они тронут семью, я все подпишу». Я спросила утром, с кем он говорил. Он ответил, что мне показалось.

У меня внутри все похолодело.

– Почему ты раньше не рассказывала?

– А кому? Тебе было двадцать. Илья вообще тогда жил как ветер в поле. А потом отец умер, и мне стало не до воспоминаний.

Я сжала ее пальцы сильнее.

– Мам... а фамилию Воронцов ты когда-нибудь от него слышала?

На этот раз она вздрогнула.

Совсем чуть-чуть. Но я это увидела.

– Да, – тихо сказала она.

– Когда?

– Один раз. Уже совсем незадолго до конца. Он сказал: «Если со мной что-то случится, держитесь подальше от Воронцовых». Я спросила почему. Он не ответил.

Мир качнулся.

Я смотрела на мать и не чувствовала пола под ногами.

Значит, Андрей не солгал.

Значит, связь была.

Значит, отец действительно что-то знал. Что-то страшное.

Настолько, что даже дома боялся говорить вслух.

– Что случилось? – испуганно спросила мама. – Алина, ты меня пугаешь.

Я резко обняла ее.

– Ничего. Все хорошо.

Ложь далась слишком легко.

Потому что правда была не просто страшной.

Она была живой.

И теперь она стояла в доме вместе со мной.

Глава 5. Первая трещина в маске

После разговора с мамой я долго не могла уснуть.

Слова отца, переданные через годы, не выходили из головы.

«Держитесь подальше от Воронцовых».

Если бы я услышала это неделю назад, все было бы проще. Я бы восприняла эту фамилию как очередное подтверждение того, что такие люди приносят только беду. Но теперь все смешалось. Потому что один из Воронцовых уже оплатил маме врача, закрыл долг Ильи и смотрел на меня так, будто сам не понимал, зачем зашел так далеко.

Я ходила по комнате босиком, не включая яркий свет. Город за окном не спал, но в квартире стояла почти мертвая тишина. От нее становилось еще тревожнее. Как будто весь этот дом умеет ждать. Не говорить, не дышать в полную силу – ждать, когда люди сами начнут ломаться в его дорогих стенах.

Телефон лежал на кровати экраном вниз. Я не переворачивала его, потому что знала: там или Илья, или вопросы, на которые я не хочу отвечать.

В какой-то момент мне стало тесно.

Не в комнате. В голове.

Я накинула кардиган и вышла в коридор, решив хотя бы спуститься вниз за водой. Просто сделать несколько шагов,

почувствовать, что я еще управляю хоть чем-то – хотя бы собственным телом в этом чужом доме.

На первом этаже света почти не было. Только мягкая подсветка вдоль стен и полосы ночного города за стеклом. Я уже дошла до кухни, когда услышала глухой удар.

Не очень громкий. Но в ночной тишине он прозвучал резко.

Потом еще один.

Я замерла.

Звук шел не из жилой части квартиры, а откуда-то дальше, за холлом, куда я еще не заходила. Несколько секунд я стояла, пытаюсь понять, показалось мне или нет. Потом снова – короткий, тяжелый удар, будто кто-то со всей силы врезал кулаком по чему-то плотному.

Сердце неприятно сжалось.

Я пошла на звук.

Дверь в дальнем коридоре оказалась приоткрыта. За ней – приглушенный свет и еще один удар. Я толкнула ее осторожно, почти беззвучно, и остановилась на пороге.

Это был зал для тренировок.

Небольшой, но оснащенный так же безупречно, как и все в этом доме: тренажеры, маты, зеркальная стена, стойка с перчатками. И посреди всего этого – Андрей.

В одной черной футболке и спортивных брюках. Без пиджака, без рубашки, без своей дневной собранности. Он бил по тяжелой груше так, будто она была виновата в чем-то лич-

ном. Удары шли быстро, яростно, почти жестоко. На скулах – тень, волосы чуть влажные, дыхание сбитое. Он выглядел не как человек, который просто снимает напряжение после тяжелого дня.

Он выглядел так, будто пытается не разнести что-то более важное.

Я не хотела выдавать свое присутствие. Правда не хотела. Но под ногой предательски скрипнула доска у порога.

Он обернулся мгновенно.

И в этот момент я впервые увидела его без маски.

Не без одежды – без маски.

Лицо было жестким, темным, почти опасным. В глазах стояло что-то такое, от чего мне на секунду стало не по себе: не злость даже, а слишком долго сдерживаемое внутреннее напряжение. Будто вся его обычная холодность была не характером, а крышкой на котле.

Он замер. Я тоже.

– Я не знала, что здесь кто-то есть, – сказала я первой.

Глупая фраза. Здесь, кроме него, и быть никого не могло.

Он медленно снял перчатки.

– А я не знал, что вы гуляете по дому ночью.

– У нас, кажется, сегодня вечер взаимных открытий.

Обычно он бы ответил чем-то холодным, отточенным. Но сейчас только провел ладонью по лицу и отвернулся к стойке с полотенцем.

– Вам что-то нужно?

– Вода. А потом я услышала...

– Это не ваше дело.

Сказано было жестче, чем обычно. Без привычной вежливой дистанции. Просто резко.

Я уже должна была уйти. Развернуться, закрыть дверь и оставить его наедине с его бессонницей, злостью и прошлым. Но вместо этого шагнула внутрь.

– Вы всегда так отвечаете, когда вас застают живым?

Он повернулся.

– Что?

– Ничего. Забудьте.

Я и сама не понимала, зачем это сказала. Наверное, потому что слишком устала бояться. Или потому что на фоне его обычного ледяного контроля эта сцена была слишком настоящей.

Он бросил полотенце на скамью.

– Вам лучше вернуться к себе.

– А вам – перестать раздавать указания каждую минуту.

– Алина.

– Что?

– Уходите.

Я смотрела на него и почему-то не двигалась. Может, потому что впервые он не казался человеком, у которого все под контролем. И что-то во мне, вопреки здравому смыслу, не захотело оставлять его именно таким – наедине с этой трещиной.

– Вы так злитесь из-за разговора со мной? – спросила я тише.

– Нет.

– Лжете.

– Я редко лгу.

– Зато часто недоговариваете.

Он сделал шаг ко мне. Не угрожающе. Но резко.

– Почему вам обязательно нужно лезть туда, куда вас не звали?

– Потому что вы сами втянули меня туда, куда я не собиралась.

Удар попал.

Он остановился.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Его дыхание все еще было неровным после тренировки. Мое – уже после этой близости, этого напряжения, этой невозможной ночной сцены.

– Вы думаете, если узнали про письмо, то теперь имеете право лезть в мою голову? – спросил он тихо.

– Нет. Но имею право знать, за кого собираюсь выйти замуж.

– По контракту.

– Хоть по приговору.

Он коротко усмехнулся. Без радости. Скорее с усталостью.

– Осторожнее, Алина. Иногда вы говорите так, будто за-

бываете, что перед вами не мальчик, которого можно загнать в угол вопросами.

– А вы говорите так, будто перед вами не женщина, которой вы разрушили жизнь за трое суток.

Он резко выдохнул, отвел взгляд в сторону.

И вдруг я заметила кровь.

Небольшую, темную полоску на костяшках правой руки. Кожа сбита.

– У вас рука, – сказала я.

– Ничего страшного.

– Вы разбили ее.

– Это не трагедия.

– Для человека, который любит контроль, вы очень небрежно относитесь к собственным костям.

Он посмотрел на меня так, будто не понял, шучу я или опять провоцирую.

– У меня дома есть аптечка, – сказала я. – То есть... была дома. В моей сумке. Я сейчас принесу.

– Не нужно.

– Нужно.

– Алина.

– Что?

– Не надо играть в заботу.

Эта фраза задела сильнее, чем следовало.

– А кто сказал, что это забота? – спросила я. – Может, меня просто раздражает вид крови на вашем идеально выстро-

енном образе.

Он молчал.

Потом неожиданно сказал:

– В шкафу справа есть аптечка.

Я моргнула.

– То есть все-таки можно?

– Вы все равно не уйдете.

– Начинаете узнавать меня?

– К сожалению.

Я пошла к шкафу, чувствуя на себе его взгляд. Нашла аптечку, достала антисептик, бинт, пластырь. Когда обернулась, он уже сидел на скамье у стены. Локти на коленях, голова чуть опущена. В этой позе было столько человеческой усталости, что я на секунду растерялась.

Днем он казался нестигаемым. Ночью – просто мужчиной, который слишком давно не позволяет себе слабость.

– Дайте руку, – сказала я.

Он поднял голову.

– Вы сейчас звучите как врач.

– Нет. Как человек, которому надоело смотреть, как вы делаете вид, будто вас невозможно повредить.

Он протянул руку.

Я подошла ближе и села напротив на низкую скамью. Между нами оставалось меньше полуметра. Слишком мало. Я чувствовала тепло его кожи еще до того, как коснулась.

Пальцы у него были сильные, ладонь тяжелая, а кожа на

костяшках действительно содрана. Я смочила ватный диск антисептиком.

– Будет щипать, – предупредила я.

– Я переживу.

– Не сомневаюсь. Вы вообще производите впечатление человека, который живет назло боли.

На этот раз он ничего не сказал.

Я осторожно приложила вату к сбитой коже. Он едва заметно напрягся. Только тогда я поняла, насколько это интимная вещь – касаться человека, которого ненавидишь. Не в страсти. В тишине. В свете ночной лампы. Видеть его руку у себя в ладонях и понимать, что он, при всей своей силе, сейчас не отнимает ее.

– Почему вы не спите? – спросил он неожиданно.

– Потому что мне в вашем доме нечем дышать.

– Это не мой дом виноват.

– А вы самокритичны.

– Иногда.

Я заклеила костяшки пластырем.

– А вы?

– Что – я?

– Почему не спите?

Он усмехнулся без улыбки.

– Потому что вы задаете слишком много вопросов.

– То есть это из-за меня?

– Частично.

Я подняла на него глаза.

– Какой ужас. Получается, я все-таки способна рушить ваш идеальный порядок.

– Вы начали это делать в тот момент, когда вошли в мой кабинет и посмотрели так, будто готовы убить меня папкой.

Я не удержалась и фыркнула.

– Это был очень сильный порыв.

– Я заметил.

Тишина стала другой. Уже не враждебной. Не мягкой – просто живой.

Я закончила с рукой, но почему-то не сразу отпустила его ладонь. И он тоже не отнял.

Это длилось всего секунду. Может, две.

Потом я резко убрала руки и встала.

– Все. Можете снова изображать неуязвимость.

Он посмотрел на пластырь, потом на меня.

– Спасибо.

Я замерла.

– Что?

– Вы слышали.

– Странно. Я думала, у вас это слово прописано в контракте как нежелательное.

Он поднялся.

Теперь мы снова оказались близко. Слишком близко для двух людей, которые должны были бы держаться на расстоянии хотя бы из самосохранения.

– Не надо превращать каждую нормальную фразу в драку, – сказал он тихо.

– А каждую драку – в нормальную фразу вы, значит, будете?

В уголках его глаз мелькнула усталость. Не злость. Именно усталость.

– Вы правда думаете, что мне легко рядом с вами?

Я растерялась.

– С чего бы мне так думать?

– Потому что вы видите только свою сторону сделки.

– А у вас есть другая?

– Есть.

– И какая же?

Он посмотрел на меня так долго, что мне захотелось от-вернуться.

– Та, в которой я уже не уверен, что поступаю правильно.

Сердце сжалось.

Это прозвучало слишком честно.

Слишком по-человечески.

Именно поэтому я сразу выставила защиту.

– Поздно сомневаться. Завтра у нас регистрация.

– Я в курсе.

– Тогда не нужно делать вид, будто вас мучает совесть.

– А если мучает?

– Я вам не поверю.

– Знаю.

Он сказал это так спокойно, что у меня внутри вдруг вспыхнула злость. Не на него даже – на себя. На то, что где-то глубоко мне уже хотелось верить. Хотя бы в отдельные моменты.

– Вы сами все испортили, – сказала я жестче, чем хотела. – Если бы сразу были честны, не пришлось бы сейчас играть в раскаяние среди тренажеров.

На этот раз он не ответил.

Просто отвернулся и пошел к груше. Остановился, положил здоровую руку на кожаную поверхность.

– Идите спать, Алина.

– Это приказ?

– Нет.

– А что тогда?

Он не поворачивался.

– Просьба.

Я смотрела на его спину и вдруг поняла, что это, наверное, первый раз, когда он действительно просит, а не требует. Не потому, что слаб. Потому что у него закончились силы продолжать этот разговор.

И это было той самой трещиной, которую уже нельзя было не заметить.

– Спокойной ночи, – сказала я.

Он кивнул, не оборачиваясь.

Я вышла из зала, тихо прикрыв за собой дверь.

У себя в комнате я прислонилась спиной к двери и закры-

ла глаза.

Пальцы все еще помнили тепло его ладони.

Глупо.

Неправильно.

Опасно.

Нельзя было замечать такие вещи. Нельзя было видеть в нем больше, чем причину, контракт, ошибку, навязанную судьбу. Но именно это и происходило. Слои за слоями с него слетала ледяная оболочка, и под ней оказывался не монстр – не только монстр, по крайней мере.

А живой мужчина.

Уставший. Злой. Одинокий. Сбитый с толку не меньше, чем я.

И хуже всего было то, что это знание не облегчало мою ненависть.

Оно делало ее опасно похожей на что-то другое.

Я разделась, легла, потянулась выключить свет – и в этот момент на телефоне вспыхнуло новое сообщение.

От Ильи.

Я все узнал. Ты из-за меня выходишь за этого человека?

Я закрыла глаза.

Ну конечно.

Слишком тихой эта ночь быть не могла.

После разговора с мамой я долго не могла уснуть.

Слова отца, переданные через годы, не выходили из голо-

вы.

«Держитесь подальше от Воронцовых».

Если бы я услышала это неделю назад, все было бы проще. Я бы восприняла эту фамилию как очередное подтверждение того, что такие люди приносят только беду. Но теперь все смешалось. Потому что один из Воронцовых уже оплатил маме врача, закрыл долг Ильи и смотрел на меня так, будто сам не понимал, зачем зашел так далеко.

Я ходила по комнате босиком, не включая яркий свет. Город за окном не спал, но в квартире стояла почти мертвая тишина. От нее становилось еще тревожнее. Как будто весь этот дом умеет ждать. Не говорить, не дышать в полную силу – ждать, когда люди сами начнут ломаться в его дорогих стенах.

Телефон лежал на кровати экраном вниз. Я не переворачивала его, потому что знала: там или Илья, или вопросы, на которые я не хочу отвечать.

В какой-то момент мне стало тесно.

Не в комнате. В голове.

Я накинула кардиган и вышла в коридор, решив хотя бы спуститься вниз за водой. Просто сделать несколько шагов, почувствовать, что я еще управляю хоть чем-то – хотя бы собственным телом в этом чужом доме.

На первом этаже света почти не было. Только мягкая подсветка вдоль стен и полосы ночного города за стеклом. Я уже дошла до кухни, когда услышала глухой удар.

Не очень громкий. Но в ночной тишине он прозвучал резко.

Потом еще один.

Я замерла.

Звук шел не из жилой части квартиры, а откуда-то дальше, за холлом, куда я еще не заходила. Несколько секунд я стояла, пытаюсь понять, показалось мне или нет. Потом снова – короткий, тяжелый удар, будто кто-то со всей силы врезал кулаком по чему-то плотному.

Сердце неприятно сжалось.

Я пошла на звук.

Дверь в дальнем коридоре оказалась приоткрыта. За ней – приглушенный свет и еще один удар. Я толкнула ее осторожно, почти беззвучно, и остановилась на пороге.

Это был зал для тренировок.

Небольшой, но оснащенный так же безупречно, как и все в этом доме: тренажеры, маты, зеркальная стена, стойка с перчатками. И посреди всего этого – Андрей.

В одной черной футболке и спортивных брюках. Без пиджака, без рубашки, без своей дневной собранности. Он бил по тяжелой груше так, будто она была виновата в чем-то личном. Удары шли быстро, яростно, почти жестоко. На скулах – тень, волосы чуть влажные, дыхание сбитое. Он выглядел не как человек, который просто снимает напряжение после тяжелого дня.

Он выглядел так, будто пытается не разнести что-то более

важное.

Я не хотела выдавать свое присутствие. Правда не хотела. Но под ногой предательски скрипнула доска у порога.

Он обернулся мгновенно.

И в этот момент я впервые увидела его без маски.

Не без одежды – без маски.

Лицо было жестким, темным, почти опасным. В глазах стояло что-то такое, от чего мне на секунду стало не по себе: не злость даже, а слишком долго сдерживаемое внутреннее напряжение. Будто вся его обычная холодность была не характером, а крышкой на котле.

Он замер. Я тоже.

– Я не знала, что здесь кто-то есть, – сказала я первой.

Глупая фраза. Здесь, кроме него, и быть никого не могло.

Он медленно снял перчатки.

– А я не знал, что вы гуляете по дому ночью.

– У нас, кажется, сегодня вечер взаимных открытий.

Обычно он бы ответил чем-то холодным, отточенным. Но сейчас только провел ладонью по лицу и отвернулся к стойке с полотенцем.

– Вам что-то нужно?

– Вода. А потом я услышала...

– Это не ваше дело.

Сказано было жестче, чем обычно. Без привычной вежливой дистанции. Просто резко.

Я уже должна была уйти. Развернуться, закрыть дверь и

оставить его наедине с его бессонницей, злостью и прошлым. Но вместо этого шагнула внутрь.

– Вы всегда так отвечаете, когда вас застают живым?

Он повернулся.

– Что?

– Ничего. Забудьте.

Я и сама не понимала, зачем это сказала. Наверное, потому что слишком устала бояться. Или потому что на фоне его обычного ледяного контроля эта сцена была слишком настоящей.

Он бросил полотенце на скамью.

– Вам лучше вернуться к себе.

– А вам – перестать раздавать указания каждую минуту.

– Алина.

– Что?

– Уходите.

Я смотрела на него и почему-то не двигалась. Может, потому что впервые он не казался человеком, у которого все под контролем. И что-то во мне, вопреки здравому смыслу, не захотело оставлять его именно таким – наедине с этой трещиной.

– Вы так злитесь из-за разговора со мной? – спросила я тише.

– Нет.

– Лжете.

– Я редко лгу.

– Зато часто недоговариваете.

Он сделал шаг ко мне. Не угрожающе. Но резко.

– Почему вам обязательно нужно лезть туда, куда вас не звали?

– Потому что вы сами втянули меня туда, куда я не собиралась.

Удар попал.

Он остановился.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Его дыхание все еще было неровным после тренировки. Мое – уже после этой близости, этого напряжения, этой невозможной ночной сцены.

– Вы думаете, если узнали про письмо, то теперь имеете право лезть в мою голову? – спросил он тихо.

– Нет. Но имею право знать, за кого собираюсь выйти замуж.

– По контракту.

– Хоть по приговору.

Он коротко усмехнулся. Без радости. Скорее с усталостью.

– Осторожнее, Алина. Иногда вы говорите так, будто забываете, что перед вами не мальчик, которого можно загнать в угол вопросами.

– А вы говорите так, будто перед вами не женщина, которой вы разрушили жизнь за трое суток.

Он резко выдохнул, отвел взгляд в сторону.

И вдруг я заметила кровь.

Небольшую, темную полосу на костяшках правой руки.

Кожа сбита.

– У вас рука, – сказала я.

– Ничего страшного.

– Вы разбили ее.

– Это не трагедия.

– Для человека, который любит контроль, вы очень небрежно относитесь к собственным костям.

Он посмотрел на меня так, будто не понял, шучу я или опять провоцирую.

– У меня дома есть аптечка, – сказала я. – То есть... была дома. В моей сумке. Я сейчас принесу.

– Не нужно.

– Нужно.

– Алина.

– Что?

– Не надо играть в заботу.

Эта фраза задела сильнее, чем следовало.

– А кто сказал, что это забота? – спросила я. – Может, меня просто раздражает вид крови на вашем идеально выстроенном образе.

Он молчал.

Потом неожиданно сказал:

– В шкафу справа есть аптечка.

Я моргнула.

- То есть все-таки можно?
- Вы все равно не уйдете.
- Начинаете узнавать меня?
- К сожалению.

Я пошла к шкафу, чувствуя на себе его взгляд. Нашла аптечку, достала антисептик, бинт, пластырь. Когда обернулась, он уже сидел на скамье у стены. Локти на коленях, голова чуть опущена. В этой позе было столько человеческой усталости, что я на секунду растерялась.

Днем он казался нестигаемым. Ночью – просто мужчиной, который слишком давно не позволяет себе слабость.

- Дайте руку, – сказала я.

Он поднял голову.

- Вы сейчас звучите как врач.

– Нет. Как человек, которому надоело смотреть, как вы делаете вид, будто вас невозможно повредить.

Он протянул руку.

Я подошла ближе и села напротив на низкую скамью. Между нами оставалось меньше полуметра. Слишком мало. Я чувствовала тепло его кожи еще до того, как коснулась.

Пальцы у него были сильные, ладонь тяжелая, а кожа на костяшках действительно содрана. Я смочила ватный диск антисептиком.

- Будет щипать, – предупредила я.
- Я переживу.
- Не сомневаюсь. Вы вообще производите впечатление

человека, который живет назло боли.

На этот раз он ничего не сказал.

Я осторожно приложила вату к сбитой коже. Он едва заметно напрягся. Только тогда я поняла, насколько это интимная вещь – касаться человека, которого ненавидишь. Не в страсти. В тишине. В свете ночной лампы. Видеть его руку у себя в ладонях и понимать, что он, при всей своей силе, сейчас не отнимает ее.

– Почему вы не спите? – спросил он неожиданно.

– Потому что мне в вашем доме нечем дышать.

– Это не мой дом виноват.

– А вы самокритичны.

– Иногда.

Я заклеила костяшки пластырем.

– А вы?

– Что – я?

– Почему не спите?

Он усмехнулся без улыбки.

– Потому что вы задаете слишком много вопросов.

– То есть это из-за меня?

– Частично.

Я подняла на него глаза.

– Какой ужас. Получается, я все-таки способна рушить ваш идеальный порядок.

– Вы начали это делать в тот момент, когда вошли в мой кабинет и посмотрели так, будто готовы убить меня папкой.

Я не удержалась и фыркнула.

– Это был очень сильный порыв.

– Я заметил.

Тишина стала другой. Уже не враждебной. Не мягкой – просто живой.

Я закончила с рукой, но почему-то не сразу отпустила его ладонь. И он тоже не отнял.

Это длилось всего секунду. Может, две.

Потом я резко убрала руки и встала.

– Все. Можете снова изображать неуязвимость.

Он посмотрел на пластырь, потом на меня.

– Спасибо.

Я замерла.

– Что?

– Вы слышали.

– Странно. Я думала, у вас это слово прописано в кон-тракте как нежелательное.

Он поднялся.

Теперь мы снова оказались близко. Слишком близко для двух людей, которые должны были бы держаться на расстоянии хотя бы из самосохранения.

– Не надо превращать каждую нормальную фразу в драку, – сказал он тихо.

– А каждую драку – в нормальную фразу вы, значит, будете?

В уголках его глаз мелькнула усталость. Не злость. Имен-

но усталость.

– Вы правда думаете, что мне легко рядом с вами?

Я растерялась.

– С чего бы мне так думать?

– Потому что вы видите только свою сторону сделки.

– А у вас есть другая?

– Есть.

– И какая же?

Он посмотрел на меня так долго, что мне захотелось от-
вернуться.

– Та, в которой я уже не уверен, что поступаю правильно.

Сердце сжалось.

Это прозвучало слишком честно.

Слишком по-человечески.

Именно поэтому я сразу выставила защиту.

– Поздно сомневаться. Завтра у нас регистрация.

– Я в курсе.

– Тогда не нужно делать вид, будто вас мучает совесть.

– А если мучает?

– Я вам не поверю.

– Знаю.

Он сказал это так спокойно, что у меня внутри вдруг
вспыхнула злость. Не на него даже – на себя. На то, что где-
то глубоко мне уже хотелось верить. Хотя бы в отдельные
моменты.

– Вы сами все испортили, – сказала я жестче, чем хотела. –

Если бы сразу были честны, не пришлось бы сейчас играть в раскаяние среди тренажеров.

На этот раз он не ответил.

Просто отвернулся и пошел к груше. Остановился, положил здоровую руку на кожаную поверхность.

– Идите спать, Алина.

– Это приказ?

– Нет.

– А что тогда?

Он не поворачивался.

– Просьба.

Я смотрела на его спину и вдруг поняла, что это, наверное, первый раз, когда он действительно просит, а не требует. Не потому, что слаб. Потому что у него закончились силы продолжать этот разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.